

К истории перевода в Монголии

Б.Ринчен (МНР)

История переводов художественной литературы с языков других народов на монгольский – тема почти непочатая и ждет своего исследователя. Как у всех народов с богатой литературной традицией, переводы имели большое значение для обогащения нашей литературы на любом этапе ее многовековой истории. И если в средние века народы Европы входили в круг греко-латинской культуры с классическими для него греческим и латинским языками, часть народов Азии и Африки – в круг мусульманской культуры с классическими для него арабским и персидским языками, а другая часть – в круг классического санскрита, древнего литературного языка Индии и древнекитайского письменного языка, то монголы, войдя в круг последних уже много веков тому назад, вместо неслышимого древнекитайского письменного языка пользовались, как вторым классическим и наиболее распространенным, тибетским книжным языком, имевшим к тому времени огромную буддийскую литературу и переводы во всех известных тогда Индии областях знания.

В соприкосновение с миром мусульманской культуры монголы отчасти вошли еще в средние века, уже тогда они читали в переводах с персидского сказания о Калиле и Димне и многие другие. Эти первые переводы не дошли до нас, но находки в Турфане свидетельствуют, например, что монголы увлекались тогда и романом об Александре Македонском. Легенды и мифы о Сулкарнае (арабское имя Александра Великого, под которым он был известен монголам) можно было услышать еще с 20-е годы нашего века в западных районах республики, - несомненно, это были отголоски средневекового романа, некогда, вероятно, передававшегося из уст в уста, подобно тому, как в наши дни в степи бытуют рассказы о приключениях Мянгуджина – барона Мюнхгаузена, переведенного на монгольский язык тридцать с лишним лет назад.

А совет недавно сказители в Гоби рассказывали и отдельные эпизоды из Гомерово́й “Одиссеи”, которая – увы! – еще не переведена на монгольский. Так в старых заимствованиях из греческого народная молва хранит следы прошлых связей с Грецией.

Б я м б ы н Р и н ч е н – писатель, ученый-филолог, действительный член Академии наук Монгольской Народной Республики, один из основоположников современной монгольской литературы и первых переводчиков советской литературы. Статья написана специально для сборника “Мастерство перевода”. – *Ред.* «Мастерство перевода», М, 1971., 371-386 стр

Монгольские переводчики прошлого не были только литераторами и эрудитами, стоявшими вдали от жизни и общественных потрясений. Выполняя социальный заказ своей эпохи, они переводили с языков близкого им круга – санскрита, тибетского, китайского, маньчжурского – произведения, оказывавшие немалое воздействие на умы читателей. Колофоны¹⁰⁷ на многих старых переводах повествуют, что заказчиками перевода тех или иных сочинений бывали порой и женщины, владевшие классическими языками и желавшие сделать доступными широкому кругу читателей произведения, которые волновали их. Так, старые рукописи донесли до нас имя Номчи-хатун, по предложению которой были переведены с тибетского в начале XVII века первые версии “Гесера”. Самый титул “Номчи” – “Книжница” говорит о том, что она была женщиной образованной. В том же XVII веке Чин-Тайху, мать известного в истории монголов патриота, поэта и просветителя Цокту-тайджи, прекрасно владевшая тибетским, поручила ученому переводчику по прозвищу Лев красноречия перевод на монгольский увлекательнейшей биографии знаменитого тибетского отшельника и поэта X века Миларайбы, буддийского Фауста, по мнению выдающегося советского монголоведа Б.Я.Владимирцова. Книга проникнута величайшей активностью в неукротимой борьбе за право на жизнь, тогда как буддизм, к философской концепции которого Миларайба пришел много позднее, ставил целью освобождение от круговорота жизни, и выбор Чин-тайху – накануне надвигавшихся грозных событий XVII века, начала завоевательных походов маньчжуров,- именно этого произведения из океана тибетской литературы говорит не только о ее литературном вкусе и эрудиции, но и об определенной цели: на примере биографии большого поэта показать, как необходима величайшая целеустремленность и воля к преодолению, казалось бы, неслыханных трудностей на пути к достижению намеченной цели.

В начале нашего века ургинский литератор и великолепный стилист Балданцэрин, знаток маньчжурского, китайского и монгольского языков, перевел с китайского на монгольский исторический роман писателя Ши Най-аня “Шуй ху чжуань” (“Речные заводы”), официально запрещенный специальным императорским эдиктом в марте 1799 года. Невзирая на строгий закон, грозивший карой за распространение этого эпического сказания о великом крестьянском восстании против династии Сунов, написанного около шестисот лет тому назад, прекрасный перевод Балданцэрина разошелся в десятках рукописных списков накануне событий 1911 года, за которыми последовало изгнание из Урги маньчжурского императорского наместника Сандо и провозглашение независимости Северной Монголии от Дайцинов, как назывались тогда Китайская империя.

Еще в первые годы Народной революции, 50-летие которой мы отмечаем в этом году, классически образованный монгол читал на родном языке “Шицзин” (по-монгольски “Шулэглэлт Ном”) – “Книгу песен” древнего Китая, замечательный

¹⁰⁷ К о л о ф о н – факсимиле писца в конце старинной рукописной книги.

памятник не только китайского, но и мировой поэзии, романы “Троецарствие” Ло Гуань-чжуна, “Путешествие на запад” У Чэн-эня (известен у нас в нескольких переводах и переложен также на калмыцкую письменность, созданную ученым Зая-Пандита, западным монголом- ойратом) , “Сон в красном тереме” Цао Сюэ-циня, “Речные заводы”, “детективный”, как сказали бы сегодня, роман о мудром Ши-мерген-нойоне, чудесные новеллы Ляо Чжая, собрание “Цзинь гу цигуань”-“Удивительных историй древности и наших дней” – и сотни других романов и повестей.

Одной из особенностей старой монгольской литературы было строгое требование ясности и изящества стиля. Каждый монгол, получавший классическое образование, учился ценить в литературном произведении высокое мастерство языка писателя и переводчика.

Эту особенность отмечали все европейские монголоеды, по-настоящему владевшие монгольским литературным языком. “Монгольскую литературу,- писал известный советский ученый-монголовед академик С.А.Козин,- характеризует склонность и способность трактовать в жанре изящной словесности самые “прозаические” темы: и политические, и научные, и чисто официальные в нашем понимании. Нет монгольской летописи, которая не стремилась бы, наряду с хронологическим изложением событий, включить в себя наибольшее число художественных элентов и приобрести общую художественно-литературную композицию. Нет императорского эдикта или грамоты, которым бы не была придана форма изящно обработанной пьесы. Обширный цикл официальных церемонии, вроде, например, церемонии “открытия печати” , в своем словесном выражении перерастает в столь же обширный жанр лирических од и похвал. Изложение истории письменности и отделов грамматики перемежается художественно отделанными стихотворными лирическими отступлениями. Сборники... законов и кодификаций... нередко отделаны как шедевры изящной словесности”.¹⁰⁸

Этими же особенностями отличался и язык переводов художественной литературы, ибо по старой традиции за перевод мог браться только человек, знающий во всех тонкостях и литературный язык оригинала и монгольский литературный язык.

Светская художественная литература распространялась в рукописных списках, и посредственный переводчик в лучшем случае мог бы решиться только на устный пересказ понравившегося произведения в узком кругу знакомых ему слушателей, пополняя тем самым своеобразный и широко распространенный некогда в Монголии жанр “бэнсэний улигер” (от китайского “беньца”-“книжка”) – пересказ ритмической прозой, перемежающейся стихами, китайских романов, исполняемый специальными певцами “бэнсэний улигерчи” под аккомпанемент смычкового инструмента “хучир”.

¹⁰⁸ С.А.Козин. Джангариада. Героическая поэма калмыков. М.- Л., Гослитиздат, 1940, с. 26-27.

Певцы, как правило, вносили в этот пересказ элементы монгольского героического эпоса.

Своеобразная система обучения монгольской письменности и классическим языкам старой Монголии по древней традиции делила обучавшихся на огромное большинство только читающих, которые никогда не брали в руки кисти, служившей орудием письма, и была поэтому свободна от обязательной службы в удельных канцеляриях, и на пишущих, учившихся искусству владения кистью, технике письма.

Страна делилась на аймаки и хошуны, и в каждом хошуне были широко известны свои, местные стилисты переводчики, к услугам которых обращались для пополнения своих библиотек книголюбы. Хорошие переводы славились далеко за пределами хошунов и аймаков, где они были выполнены, и очень часто переводы, сделанные в Южной Монголии, можно было видеть в библиотеках книголюбов Северной Монголии, и наоборот.

Большое внимание уделялось и вопросам перевода. Существовали две школы переводов, одна – светской художественной литературы с классического китайского и маньчжурского языков. Представители этой школы, мастера стиля, владевшие маньчжурским, грамматически очень близким к монгольскому и классическому китайскому языкам, обучали своих учеников, делая стилистический разбор текста своеобразным методом, - они читали монгольский литературный текст нараспев по-маньчжурски и, наоборот, маньчжурский текст по-монгольски. При таком обучении искусству ритмической прозы чтение одного и того же текста на другом языке помогало обучающемуся разобраться, где допущена неточность, вызвавшая нарушение ритма, и выяснить смысловые нюансы. Наставник всегда имел при этом синонимические словари, пользоваться которыми обучался будущий стилист и переводчик.

Другая школа – перевода тибетского книжного текста. Если представители первой школы максимум внимания уделяли изяществу литературного языка, на который делался перевод, в данном случае – монгольского языка, то представители второй, оцепевшей, застывшей, ригидной школы главную свою задачу видели в том, чтобы ни одно слово канонического тибетского текста не было утеряно в переводе.

Большинство переводов философской, художественной, научной и буддийской литературы с тибетского издавалось ксилографическим способом; в помощь переводчикам и изучающим тибетский книжный язык были разработаны специальные словари, которые ходили в рукописных списках, а некоторые издавались ксилографической печатью в монастырских школах Монголии. Для старой Монголии тибетский книжный язык был одним из классических, и учение переводчики с тибетского считали нужным во всем руководствоваться его нормами. Отсюда буквализм в языке переводов этой школы. Ее представители старались максимально

приблизиться к тибетскому письменному языку, поэтому их язык отличался многими особенностями, объяснимыми только исходя из тибетского языка (в двуязычных тибето-монгольских словарях, изданных в помощь переводчикам, вся терминология и фразеология была унифицирована). Этот язык имел в монгольском специальное название – “судур-ун келен”, “язык сутр”. В свою очередь, он подразделялся на книжный язык сутр, строго регламентированный специальными словарями и канонизированными в ксилографических изданиях текстами, и устный язык сутр, на котором по традиций, шедшей от поколения к поколению, ученые наставники преподавали устный перевод тибетских текстов. В некоторых случаях устные версии совершенствовавшиеся от одного поколения к другому, были точнее и изящнее зафиксированных книжных форм языка сутр, но, поскольку главное внимание при переводе сутр уделялось тибетскому классическому языку, с которого делался максимально возможный буквальный перевод на монгольский, стиль языка переводов этой школы сутрантиков резко отличался от легкого и изящного языка светской школы переводчиков.

Имея широкие возможности для печатания книг в монастырских типографиях и специальных ксилографических печатнях Пекина и других мест, представители второй школы также занимались вопросами теории перевода с тибетского и санскрита. Широко известный терминологический словарь “Источник мудрецов”, созданный большой группой монгольских ученых-тибетологов в 1741-1742 годах, содержит, например, специальный раздел, посвященный вопросам перевода прозы и стихов на монгольский язык.

Своеобразие языка переводов с тибетского, закрепленное школой, традицией, наконец, тысячами переводов, почти не изучено монголооведами. Но оно может быть использовано и в наши дни. Об этом, в частности, свидетельствует любопытный перевод с бенгали гимна “Мать Индия”, сделанный советским тибетологом Тубянским, учеником академиков Ольденбурга и Щербатского, и знатоком монгольской переводной литературы Навандо. Торжественность этого гимна (он опубликован в 1934 году в журнале “Шинэ толи”) хорошо передана в монгольском переводе этим “языком сутр”. Только обращение “Ты” или “Вы”. Я предложил оставить “Ты” под влиянием русско-европейской литературы, не осознав, что в монгольском обращение к матери на “Ты”, хоть и с большой буквы, звучит оскорбительно.

Русский язык в старой Монголии был почти неизвестен, и те немногие монголы, которые владели разговорным языком, не знали русской грамоты, для них русская литература была за семью замками. Первые переводы с русского на монгольский были сделаны забайкальскими бурятами, владевшими письменным языком сутр “судур-ун келен”, то есть языком, которым сделаны все переводы с тибетского. И первым русским писателем, с отдельными произведениями которого читатели познакомились, был Лев Николаевич Толстой. В степи, у стариков книголюбов, и сейчас можно увидеть ставшие ныне библиографической редкостью небольшие книжечки Льва Толстого –

“Ассирийский царь Ассархадон”, “Карма” и другие, изданные типографским способом в Санкт-Петербурге в типографии Академии наук. При недостатке средств и специального издательства на монгольском языке, тогдашние переводчики вынуждены были выбирать произведения небольшие по объему и считаться со вкусами читателей, тяготевавших к назидательной литературе, которую они привыкли читать на “языке сутр”. Этот “язык сутр” и был избран переводчиками для переводов из Льва Толстого.

В 1913 году известный бурятский монголовед и этнограф доктор Цыбен Жамцарано организовал в русской типографии в Урге (так тогда назывался Улан-Батор) выпуск газеты на монгольском языке, в которой печатал общеобразовательные статьи на основе русских источников, раскрывавшие монгольскому читателю новый и еще неизвестный ему мир народов России и Европы. В журнале “Шинэ толи”, основанном Жамцарано, уже со второго номера начал печататься в переводе с русского исторический роман французского историка и писателя Leon Cahun “Синее знамя”. Это был первый европейский роман, переведенный с русского и вызвавший у читателей живейший интерес к дотоле неизвесной литературе России и Европы. Ученый-переводчик имел под рукой русский адаптированный перевод Гранстрем; мастерски переведя его на монгольский, он выправил неточности и французского и русского текста в области жизни и быта монголов, которые бросались бы в глаза монгольскому читателю. В работе над переводом Жамцарано очень помогло общение с тогдашними монгольскими литераторами и филологами в Урге.

Язык светской монгольской литературы был почти неизвестен бурятам Забайкалья, в своем распоряжении они имели только переводную с тибетского на “языке сутр” литературу, издававшуюся бурятскими и монгольскими монастырями. Материалы Жамцарано показывают, как упорно он работал над преодолением бурятизмов и оборотов “языка сутр”, овладевая под руководством ургинских стилистов лексикой и фразеологией монгольского литературного языка. В этом ему помогали Балданцэрин, синолог и маньчжурист, переводчик “Речных заводов”; Цэрэндорджи, известный политический деятель, переводчик, синолог и маньчжурист, впоследствии премьер-министр Монгольской Народной Республики (скончался в 1927 году); Хандадоржи, министр иностранных дел Монголии после ее отделения от юаньшикайевского Китая, прекрасный знаток маньчжурского языка и весьма начитанный человек, о котором в свое время с большой теплотой отзывался академик Б.Я.Владимирцов как о весьма просвещенном и прогрессивном деятеле Монголии; Дава – стилист и знаток переводной маньчжурской, китайской и тибетской литератур, в первые годы народной власти один из посланников МНР в Советском Союзе, и другие монгольские литераторы, переводчики и филологи – Хайсан, выдающийся синолог и автор прекрасного китайско-монгольского словаря, Данда, впоследствии член Монгольской академии литературы и переводчик с китайского на монгольский полного текста династической истории монголов “Юань Ши”, и другие знатоки языка.

Первая мировая война и события, вызванные ею, не позволили тогда издателю прогрессивного журнала “Шинэ Толи” закончить печатание в нем романа “Синее знамя”. И только в 1923 году Монгольская академия литературы¹⁰⁹, основанная в 1921 году Жамцарано и наставником Сухэ-Батора Джамьян-сайтом, издала полностью этот роман, имевший огромный успех среди читателей. Первое издание книги быстро сделано и немало рукописных списков этой любимейшей читателям книги.

Единственная типография плоской и высокой печати в те годы была загружена печатанием ведомственных материалов, периодики и учебных пособий. Не было еще и переводчиков художественной литературы с русского в европейских языков. Пишущий эти строки пытался примерно с 1926 года.

Переводить с русского Чехова, М.Горького, Джона Рида (“Десять дней, которые потрясли мир”), Неверова (“Ташкент-город хлебный”). Стилисты тогдашней Монгольской академии литературы, читая черновики моих переводов, помогали мне своими советами и замечаниями. И, следая за тем, как они воспринимали в моем переводе смысл текста, как вносили те или иные поправки, я чувствовал, что от пиномания текста на языке мне еще далеко. Некоторые вещи, например “Песню о Буревестнике” Максима Горького, мне приходилось переделывать десятки раз, и эта черновая работа очень и очень пригодилась мне, когда я начал впоследствии, в 1929 году, работать над редактированием первых переводов художественной литературы с русского.

¹⁰⁹ Кстати, поводом к основанию этого первого научного учреждения новой Монголии послужило письмо неперменного секретаря Академии наук СССР выдающегося советского ориенталиста академика С.Ф.Ольденбурга доктору Жамцарано, в котором советский ученый посоветовал создать в Народной Монголии научное учреждение типа Академии наук СССР. Письмо это было переведено Жамцарано на монгольский и представлено премьер-министру Цэрэндорджи, который горячо поддержал предложение и посоветовал Жамцарано написать подробный доклад об организационной структуре и уставе нового учреждения, взяв за основу устав советской “академи навуг”, как Жамцарано, не найдя точного монгольского эквивалента, протранскрибировал название высшего научного учреждения СССР. В тогдашней Урге лишь человек пять знало русский литературный язык, но ни один из них не был синологом, поэтому никто не смог объяснить, как этот термин переводится на китайский. Ознакомившись с представленным докладом, Цэрэндорджи решил, что “академи навуг” должно соответствовать “кэ сюэ юань” (“академия наук” по-китайски), наличие же в стране только филологов-монголистов, маньчжуристов, тибетологов, японоведов и санскритологов – на первых порах достаточно лишь для научного учреждения типа “вэнь сюэ юань” – “академия литературы” по-китайски, чему соответствует монгольский термин “судур бичиг-ун курийеленг”. Сейчас мы знаем, что китайский эквивалент соответствует русскому термину “академия литературы”. Жамцарано же, не будучи синологом, не знал точного значения термина “судур бичиг-ун курийеленг” и перевел его на русский сперва как “Книжная палата”, а позже как “Ученый комитет”. Пример с этим термином говорит о трудностях, стоявших на пути первых переводчиков с русского на монгольский. Классически образованные монголы того времени знали восточные языки, имели в своем распоряжении прекрасные двуязычные словари, но европейские языки были им неизвестны. А переводчики с русского, не владея восточными языками, не могли найти монгольские эквиваленты нужных им термином и названий в китайских, маньчжурских, тибетских и санскритских словарях.

Мой друг Дашидоржийн Нацагдорж работал в это время над переводом отдельных стихотворений Пушкина - “Анчара” и других. Работал он и над переводом с немецкого “Золото жука” Эдгара По. Однако знания его в русском и немецком литературных языках были еще недостаточны, трудным казался ему и синтаксис этих языков. Поэтому часто на работе мы с ним сидели, я с подлинником, он со своим черновиком, и, слушая его перевод, я указывал все неточности, разъяснял смысл неправильно понятых им слов и выражений. Он переделывал каждое предложение, каждый стих, в котором были не поняты им места, и читал мне. Должен признаться, что тогда нам обоим не хватало знания монгольского и европейского стихосложения, поэтому в его переводах пушкинских стихов не переданы размер и рифма.

Постепенно организовался небольшой кружок энтузиастов перевода с русского-Ишидоржин, налаживавший издание учебников для школ Министерства народного образования; врач Гонгорджаб, учившийся в Ленинграде, сам немного поэт и почитатель пушкинской прозы, взявшийся за перевод “Капитанской дочки” Пушкина; Нацагдорж-старший-поэт, переводчик Пушкина, Эдгара По и отдельных новелл Ги де Мопассана; Нацагдорж-младший, учившийся в Германии и взявшийся по моей просьбе за перевод Матери Горького по изданному в Москве немецкому переводу; преподаватель физики Будадари, который переводил отдельные рассказы Сетон-Томпсона; армейские политработник Дашинима, увлекавшийся русской литературой(он неплохо перевел “Железный поток” А.Серафимовича); наконец, Э.Оюун, которая взялась за перевод “Робинзона Крузо” Даниэля Дефо по сокращенному русскому изданию Детгиза. Как филологу-монголисту, мне пришлось быть не только редактором всех этих первых переводов с русского на монгольский, но и издателем, так как в 1936 году я был назначен секретарем только что созданного в Улан-Баторе Государственного издательства. Системы оплаты литературных переводов у нас еще не было, первым гонораром, который я, как издатель, выплатил Э.Оюун за перевод “Робинзона Крузо”, были шестьдесят тугриков. Народный художник старой монгольской школы Шарав, работавший в типографии издательства, по моему заданию исполнил иллюстрации к переводу, сделал их самостоятельно, в духе старой монгольской живописи, и эта книжка была первым переводным изданием, иллюстрированным монгольским художником, давшим своеобразное понимание текста.

Много помогло нам московское издательство на иностранных языках, которое выпустило в свет на монгольском языке полный перевод “Декамерона” Боккаччо, частично изданный нами в Улан-Баторе. Перевод был мастерски сделан Жамцажано, мне даже пришлось выслушать протест лам из Улан-Баторского монастыря, жаловавшихся на то, что в переводе духовные звания католических аббатов, героев “Декамерона” , сознательно переведены соответствующими монгольскими, чтобы бросить тень на буддийское духовенство в Монголии.

Московское издательство выпустило тогда в переводе Жамцарано с русского “Пятнадцатилетнего капитана” Жюль Верна. Он же перевел и Новеллине Мазуччо с русского издания “Academia”. Переводы Жамцарано были классическими по изяществу языка, и первые наши переводчики учились на них мастерству владения стилем. На его переводах учились и тогдашние молодые писатели. Читая переводы Жамцарано, монгольский читатель чувствовал себя в стихии родного языка: ни одного предложения, в котором переводчик был бы скован синтаксисом чужого языка, рождающим при переводе не только тяжеловесные обороты, но и придающим тексту иной раз совсем другой смысл, другую интонацию, не предусмотренную переводчиком, ибо даже место слова в монгольской фразе играет синтаксическую роль и несет на себе смысловую нагрузку. В переводах этого ученого сказалось не только прекрасное знание русского дожественной прозы Ж.Бадра-младший и С.Хасбатор, С.Батра-старший (он перевел “Поднятую целину” Шолохова), переводчик многих советских поэтов М.Цэдэндорж, по работам которого читатели познакомились со многими произведениями Петруся Бровки, Расула Гамзатова, Зульфийи, Эдуардаса Межелайтиса, Есенина, Маяковского, Симонова, Смелякова, Евтушенко, Р.Рождественского, Солоухина, и некоторые другие.

Благодаря переводам с русского монгольский читатель познакомился с литературами почти всех союзных и автономных республик необъятной Советской страны. Через русский переведено и немало произведений писателей других стран и народов. И если старая монгольская литература знала на своем языке произведения лишь писателей Востока, то теперь в переводах с русского только за последние четверть века монгольские читатели познакомились с литературами более ста народов Европы, Азии, Америки, Австралии и Африки. Они открыли нашему сегодняшнему читателю целый доселе ему неизвестный мир.

Очарованные видением нового, пусть даже через призму еще недостаточного знания русского литературного языка, молодые переводчики полны желанием поделиться с читателями эстетическим наслаждением и знаниями, которые им дала литература русского языка, раскрывшая им сокровища мировой литературы. И если этим молодым переводчикам порой недостает и эрудиции и опыта перевода с языка совершенно иного грамматического строя на язык, известный им чаще всего в объеме повседневной житейской речи, то мы надеемся, что недавно организованная при Союзе монгольских писателей секция переводчиков сумеет наладить работу с ними и поможет повысить их квалификацию.

Перед секцией переводчиков нашего Союза писателей стоит много важных проблем. От стихийного, случайного выбора произведений для перевода пора перейти к целеустремленному отбору, заботясь одновременно и о том, чтобы переводчики овладевали богатством своего прекрасного литературного языка, отточенного великими писателями и переводчиками прошлого, мастерами слова, неустанно черпавшими из

живой речи родного народа. Санскритская поэтика была хорошо известна многим выдающимся поэтам и писателям прошлого. Санскрит, классический язык старой Монголии, равный по своему значению классическому греческому языку для народов Европы, изучался еще в нашем веке представителями старшего поколения литераторов, и многие талантливые сказители нашего героического эпоса владели знанием основ санскритской поэтики- аламкара или чимэлгэн, как переводился на монгольский язык этот индийский термин. Знание основ поэтики передавалось по традиции из уста в уста. Академик Б.Я.Владимирцов, вдумчивый исследователь монгольского фольклора, отметил в своем предисловии к переводу монголо-ойратского геройского эпоса, что санскритское название поэтики “аламкара” – значит украшение, как и монгольский термин “чимэлгэн” у певцов – исполнителей монгольских былин.¹¹⁰

Сегодняшним переводчикам поэтических произведений с русского на монгольский, так же как и самим монгольским поэтам, настоятельно необходимо овладеть и классической монгольской теорией поэтики, которую изучали их предшественники, и европейской поэтикой, теорией классического европейского стихосложения. И если до сих пор почти все стихотворные переводы с русского были только пересказом содержания, то уже сейчас на повестке дня вопрос о повышении мастерства переводчика, о переводе не только содержания подлинника, но и метрики стиха. Чеканным хореем звучат монгольские былины,-значит, можно передать в переводе и хорейский размер пушкинских стихов. Чередованием долгих и коротких гласных часто пользовались поэты прошлых веков,- значит, можно передать в монгольском переводе и метрический стих Европейской поэзии. Еще в XIII веке, как об этом свидетельствует “Сокровенное сказание”, один из древних памятников монгольской литературы, знала монгольская поэзия и конечные рифмы русского и европейского стихосложения.

Эти и многие другие проблемы стоят сегодня перед поэтами и переводчиками с русского, обогащающими своими переводами монгольскую литературу. И мы надеемся, что секция художественного перевода Союза писателей займется ими. Они уже стучатся в дверь. Одно то, что почти семьдесят процентов художественной литературы, выходящей ныне в Монголии, составляют переводы с русского, обязывает монгольских переводчиков ко многому.

БИБЛИОГРАФИЯ

Дaг-уиг мкхас-рa’I ‘byun-gnas, Merged garqu-yin oрон. Тибетско-монгольский терминологический словарь “Источник мудрецов”. Ксилографическое издание 1741-1742 гг. Переиздан Монгольской академией литературы, Улан-Батор, 1925. Резные

¹¹⁰ См. Б.Владимирцов. Монголо-ойратский геройский эпос. Петроград – Москва, МСМХХІІІ, с.36.

доски издания, с которых печатался словарь, хранятся в Государственной публичной библиотеке в Улан-Баторе.

Два раздела словаря с переводом на русский язык изданы Институтом общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР в Улан-Удэ. Русские переводчики ошибочно приписали ксилографическое издание словаря бурятскому Агинскому дацану, где переписчиками были изготовлены листы рукописи, вырезанной на дереве в Улан-Баторе специально приглашенным из восточного Кентейского аймака гравером Дадинов. Переводчики тибетской части словаря, правильно переведя ее на русский, допустили ряд неточностей в передаче соответствующих монгольских эквивалентов. Специальный раздел этого словаря и посвящен вопросам перевода с тибетского на монгольский.

Ligeti L. Catalogue du Kanjur Mongol imprime. Budapest, 1942. Колофоны монгольских переводчиков “Ганджура”, собранные в этом каталоге, дают много интересного для истории переводов с тибетского.

Heissig Walter⁶ Die Pekinger Lamaistischen Blockdrucke in Mongolischen Sprache⁶ Wiesbaden, 1954

Rintchen B. Catalogue du Kanjur Mongol Imprime. New Delhi, 1964

Rintchen B. Histoire de la traduction oirato-mongole. “Babel”, vol. XV, 1969, No 1. Avignon, France, p.15-16

Ринчен Б. Ойратские переводы с китайского. Rocznik Orientalistyczny, XXX, 1. Warszawa, 1966, s.59-73

Ринчен Б. Горькийн зохиолоос анх орчуулсан минь (Как я впервые переводил Горького). Улан-Батор, газ. “Утга зохиол урлаг”, (“Литература и искусство”), №13, 13 марта 1968

Ринчен Б. Шүлэг орчуулах эрдэм (Искусство перевода стихов). “Утга зохиол урлаг”, Улан-Батор, №6, 4 февраля 1966

Ринчен Б. Зохиол ч биш, орчуулга ч биш. Парисын “Дар эхийн” сум үзээд төрсөн сэтгэгдэл. (“Перевод” или “соавторство”? Мысли по прочтении “Собора парижской богини Тары”). Рецензия на монгольский перевод “Собора Парижской богини” В.Гюго “Утга зохиол урлаг” Улан-Батор, №8, 19 февраля 1965

Ринчен Б. Орчуулгын чанарыг дээшлүүлэх тухай (О повышении качества переводов на монгольский). Сб. “Монгол хэл бичгийг сайжруулах бодолгын бичиг”. Улан-Батор, 1932, с. 1-47

Ринчен Б. Стабильные учебники, их переводчики и редакторы. Газ. “Унэн” (русск. Изд.), №222, 20 сентября 1952

Ринчен Б. За грамотный и общедоступный язык научно-популярных брошюр. Рец. Газ. “Унэн” (русск. Изд.), №12, 15 января 1953

Ринчен Б. За членораздельный монгольский язык переводных учебников. Газ. “Унэн” (русск. Изд.), №13, 16 января 1948

Бадра Ж. Орчуулгын хэл найруулгыг сайжруулах асуудалд (К вопросу об улучшении языка переводов). “Утга зохиол урлаг”, №5, 30 января 1970